

ВЕЛИКОХАНЬСКИЙ ШОВИНИЗМ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVIII—XIX ВЕКАХ

Б. П. Гуревич

В последнее время все явственнее обнаруживается стремление маоистских политиков и идеологов использовать историческую науку для подкрепления великодержавно-шовинистического курса внешней политики КНР¹. Основным содержанием этого курса является антисоветизм и прежде всего выдвигание территориальных притязаний к Советскому Союзу. На страницах китайских газет и журналов², а также издаваемых огромными тиражами брошюр³ наряду с освещением на маоистский лад некоторых узловых вопросов истории китайского народа говорится о «принадлежности Китаю» в прошлом ряда территорий Советского Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии.

Для «обоснования» такого рода притязаний великоханьские шовинисты давно уже выдвинули тезис о неких «исторических правах» Китая на земли сопредельных государств Азии. В Пекине взяли на вооружение формулу старого, феодального права — «где прошел мой конь, там моя земля» — и считают, что это якобы позволяет отнести к «китайским владениям» любые территории, на которые когда-либо совершали набеги завоеватели из Китая. Не случайно территориальные захваты даже таких не китайских династий, как монгольская и цинская (маньчжурская), импонируют маоистским лидерам. В связи с этим еще с начала 60-х годов в исторической науке КНР наблюдаются, с одной стороны, откровенная идеализация маньчжурского завоевания Китая, а с другой — резкая критика антицинского освободительного движения в стране в XIX веке⁴.

Такого рода тенденции заметны в оценке политики цинского Китая, осуществлявшейся в северо-западной части Центральной Азии, и в освещении истории ее народов XVIII — XIX веков. Общеизвестно, что после захвата Южной и Северной (Халха) Монголии маньчжурские завое-

¹ О. Борисов, М. Ильин. Маоистская «культурная революция». «Вопросы истории», 1973, № 12, стр. 94—98.

² Ши Цзюнь. Еще раз об изучении всемирной истории. «Хунци», 1972, № 5, стр. 21; «Жэньминь жибао», 7.III, 22.XII.1973; «Гуанмин жибао», 22.X.1973; Ши Канцзю. Бассейн р. Хэйлунцзян с точки зрения исторической географии. «Дили чжиши», 1974, № 2, стр. 7—10; «Хунци», 1974, № 5; «Жэньминь жибао», 28.IV.1974, и др.

³ «Диэр япянь чжаньчжэн» («Вторая опиумная война»). Шанхай. 1972, стр. 70—71; «Синьхай гэмин» («Синьхайская революция»). Шанхай. 1972, стр. 2; Ши Цзюнь. Ду идянь шицзеши («Почитаем немного мировую историю»). Пекин. 1973, стр. 60; Гу Юнь. Чжунго цзиньдай шишанды бупиндэн тяоюэ («Неравноправные договоры в новой истории Китая»). Пекин. 1973, стр. 22—24, 38—39, 41—43, 44, 51.

⁴ Р. В. Вяткин, С. Л. Тихвинский. О некоторых вопросах исторической науки в КНР. «Вопросы истории», 1963, № 10; «Маньчжурское владычество в Китае». М. 1966; «Татаро-монголы в Азии и Европе». М. 1970; «Историческая наука в КНР». М. 1972.

ватели буквально стерли с лица земли государство западных монголов (или ойратов) — Джунгарское ханство. Однако некоторые китайские историки изображают теперь захватническую войну маньчжуро-китайцев против ойратов как «прогрессивную» и заявляют, что тогда якобы дело шло не о судьбе суверенного монгольского государства, а об одном из «национальных меньшинств на северо-западе Китая»⁵. Этот же абсурдный тезис был выдвинут в «Документе МИД КНР» от 8 октября 1969 г., где утверждалось, что «усмирение (!) цинской династией Джунгарии относилось к внутренним (!) вопросам Китая»⁶.

Уже сравнительно давно историки КНР (вслед за буржуазно-националистической гоминьдановской картографией, унаследовавшей, в свою очередь, от официозных китайских историков прошлого века миф о неких «правах Китая») пытаются преувеличить сферу политического влияния Цинской империи в Центральной Азии⁷. Обнаруживается также стремление фальсифицировать историю казахского и киргизского народов, извратить в выгодном для великоханьских амбиций нынешнего пекинского руководства свете характер взаимоотношений казахских ханств с Россией в XVIII веке. Так, в упомянутом «Документе МИД КНР» говорится о «национальных меньшинствах Китая, проживающих к востоку и югу от озера Балхаш» (сиречь — казахам. — Б. Г.), а кроме того, утверждается, что до середины XIX в. население Юго-Восточного и Восточного Казахстана якобы «никогда не принимало российского подданства»⁸. Подобного рода попытки пересмотреть уже решенные в исторической науке вопросы образования многонациональной Российской империи и вхождения в ее состав Казахстана и Средней Азии⁹ были не так давно предприняты в названной брошюре Ши Цзюня и в статье «Две династии — одна черная линия»¹⁰.

Наряду с этим пекинские политики и некоторые китайские историки не жалеют усилий для того, чтобы «обосновать» существование «неразрывных тысячелетних связей» Центральной Азии с собственно Китаем. При этом нет недостатка в рассуждениях о «благотворности» влияния таких связей на экономическое и культурное развитие уйгуров и других не китайских народов Синьцзяна¹¹. Забвению предаются все злодеяния маньчжурских завоевателей в покоренных ими районах Центральной Азии. Освободительная же, антицинская борьба не китайских народов Синьцзяна в XIX в. подвергается со стороны китайских историков осуждению как ведущая к «созданию национального раскола и подрыву единства Китая»¹².

⁵ «Чжунго лиши чанши» («Популярный очерк истории Китая»). Пекин. 1964, стр. 70.

⁶ «Жэньминь жибао», 9.X.1969.

⁷ Лю Пэй-хуа. Чжунго цзиньдай цзяньши (Краткая история Китая в новое время). Пекин. 1953. («Карта отторжения империализмом территории Китая»: Гу Цзеган. Чжунго лиши дитуцзи (Атлас по истории Китая). Шанхай. 1955—1957. («Карта Цинской империи»), см. также: Е. Д. Костиков. Великодержавные амбиции и пограничная политика пекинского руководства. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1; его же. Политическая картография на службе великодержавного шовинизма. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4.

⁸ «Жэньминь жибао», 9.X.1969.

⁹ См., например: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата. 1948; Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М. 1957; Б. Джамгерчинов. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе. 1963; Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М. 1965.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 28.VIII.1973.

¹¹ Люй Чжэньюй. Исторические связи Синьцзяна с нашей родиной. «Миньцзю гуаньцзе», 1962, № 2; «К некоторым вопросам из истории маньчжур». «Синь цзяньшэ», 1962, № 7, стр. 69; «Жэньминь жибао», 9.X.1969; «Гуаньмин жибао», 15.II.1972; Чжао Юн-ся. Сухопутные связи между Китаем и Западом в период Хань-Тан. «Дили чжиши», 1973, № 3.

¹² Лю Да-нянь. Агрессия империализма против Китая и борьба китайского народа против империализма. «Лиши яньцзю», 1964, № 4, стр. 106.

Таким образом, в угоду великодержавно-шовинистическому курсу маоистских лидеров некоторые историки КНР хотели бы перечеркнуть всякое воспоминание о завоевательных войнах цинского Китая, приукрасить господство маньчжуров в Синьцзяне и представить в расширенном виде сферу влияния Цинской империи в Центральной Азии, несмотря на то, что это противоречит даже официальным документам, опубликованным в ряде известных китайских изданий¹³, и другим китайским источникам.

Предлагаемая статья преследует цель показать положение, которое создалось в северо-западной части Центральной Азии в результате вторжения в ее пределы во второй половине XVIII в. Цинской империи, и политику, которую проводило здесь маньчжурское правительство, а также выяснить характер взаимоотношений цинского Китая с населением Казахстана и некоторых районов Средней Азии в XVIII—XIX веках. Несмотря на наличие ряда работ советских исследователей¹⁴, в некоторые из этих вопросов не внесена еще полная ясность.

Хотя еще в древности, задолго до образования Цинской империи (1644 г.), военные силы Китая не раз появлялись в северо-западной части Центральной Азии, известной в китайской литературе под названием «Западный край» («Си-юй»), китайцы никакой более или менее прочной политической связи с ее населением не имели. Завоевателям так и не удалось закрепиться на центрально-азиатских рубежах на сколько-нибудь продолжительное время, а тем более освоить земли Средней Азии и Казахстана. Вторгавшиеся в эти районы лишь эпизодически китайские войска творили насилие над местным населением, грабили его и уходили назад, за Великую китайскую стену¹⁵.

Разумеется, успех монгольских завоевателей в Азии в XIII в., жертвой которых стали многие народы Азии, и в том числе сам китайский народ, никак нельзя считать восстановлением «территории древней Китайской империи» вообще и ее влияния в Центральной Азии в частности. После маньчжурского завоевания и создания Цинской империи народы Китая вновь оказались под чужеземным игом.

Маньчжурские императоры полностью восприняли внешнеполитические концепции правителей древнего Китая, согласно которым последний являлся якобы центром вселенной и цивилизации («Срединное государство»), а остальные народы и в первую очередь соседние кочевые племена — «варварами», которые должны были беспрекословно повино-

¹³ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе» («Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар»). Б. м. 1772; «Циньдин пиндин Хуэйцзян чаоцинъ ни-и фанлюе» («Высочайше утвержденные планы умиротворения Восточного Туркестана и уничтожения потомков мятежников»). Б. м. 1830; «Цин ши гао» («Черновая история династии Цин»). Мукден. 1927; «Да Цин личао шилу» («Хроника Дацинской (Цинской.— Б. Г.) династии»). Токио. 1937, и др.

¹⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л. 1926; Л. И. Думан. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.-Л. 1936; М. Н. Кабиров. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата. 1951; А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М. 1956; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М. 1964; Б. П. Гуревич. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России. «История СССР», 1973, № 2; В. С. Кузнецов. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М. 1973; К. Ш. Хафизова. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева «История и культура Китая». М. 1974.

¹⁵ Сыма Цянь. Ши цзи («Исторические записки»). Пекин—Шанхай. 1955, цзюань (глава, далее — цз.) 123, стр. 18; «Цянь Хань шу» («История Ранней династии Хань»). Пекин. 1964, цз. 96, стр. 3913, 3930; «Материалы по истории сюнну». М. 1968, стр. 33; см. также «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 543, л. 13а.

ваться китайскому императору — Сыну неба»¹⁶. Такое пренебрежительное отношение к другим народам, населявшим как бы некую периферию, весьма откровенно высказал известный китайский философ первой половины XVII в. Ван Фу-чжи (Ван Чуань-шань), который писал: «Истребление варваров нельзя считать негуманным, захват варваров нельзя считать несправедливым, обман варваров нельзя считать бесчестным»¹⁷. Всякая попытка со стороны других государств и народов установить связи с Китаем рассматривалась его правителями как желание «варваров» быть «преобразованными» китайской цивилизацией, а также как признание себя «вассалами» «Срединного государства». Наконец, сопротивление, которое оказывали экспансии Китая другие народы, изображалось как «бунт варваров», подлежащих «усмирению»¹⁸. Эти великоханьские китацентристские концепции широко использовались Цинской империей во взаимоотношениях с народами Центральной Азии.

Уже с середины XVII в. Цинская империя начинает наступление на Халха-Монголию, которое завершилось в 1691 г. включением ее в состав Китая¹⁹. Однако особенно широкий размах завоевательная политика маньчжуров в Центральной Азии принимает в середине XVIII века. Экспансионистские войны и территориальные захваты вытекали из феодальной природы Цинской империи. Они преследовали цель за счет ограбления соседних народов укрепить и усилить господство маньчжурской правящей верхушки в стране²⁰. Но наряду с причинами, обусловленными обострением внутренних социально-политических противоречий в китайском обществе, существовали причины внешнего порядка, которые объясняли наступление маньчжур в северо-западном направлении. Это было, по мнению ряда исследователей, стремление не только оградить пределы Цинской империи от набегов кочевников, но главным образом предотвратить возникновение на границах Китая каких-либо крупных государственных объединений, могущих представить угрозу для господства маньчжуров над другими народами²¹. Именно эти причины породили в конце XVII в. серию ожесточенных военных столкновений Цинской империи с Джунгарским ханством. Несмотря на то, что сами ойратские феодалы совершали набеги на Казахстан и некоторые другие сопредельные владения, силы их все более подтачивались постоянными междоусобицами. Этим воспользовалось маньчжурское правительство, которому удалось к середине XVIII в. перенести борьбу с ойратами на территорию их исконных кочевий — в Джунгарию.

Еще в XVII в., до вторжения маньчжуров в Центральную Азию, устанавливаются прочные связи русских властей Сибири с главами (князьями, или зайсанами) кочевых племен Северного Алтая, часть которых уже в то время приняла подданство России²². В самом начале XVIII в. в верховьях Иртыша появились первые русские укрепления и населенные пункты (Семипалатинск, Усть-Каменогорск). Отряды русских землепроходцев проникают к озеру Зайсан и на Черный Иртыш. Начиная с 30-х годов XVIII в. казахи трех родоплеменных объединений

¹⁶ Л. И. Думан. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы. «Китай и соседи в древности и средневековье». М. 1970, стр. 13—36.

¹⁷ Ван Фу-чжи. Ду Тундянь лунь (Читаю книгу «Тундянь»), цз. 4. Цит. по: Цзи Вэнь-фу. К изучению научных взглядов Ван Чуань-шаня. Пекин. 1962, стр. 148.

¹⁸ «Циньдинь хуаньюй Си-юй тучжи» («Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами»). 1-е изд.— 1782. Ханчжоу. 1893, цз. 45, л. 36.

¹⁹ И. С. Ермаченко. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М. 1974, стр. 152.

²⁰ Л. И. Думан. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века, стр. 58; «Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн» (пер. с кит.). М. 1959, стр. 544.

²¹ O. Lattimore. Studies in Frontier History. Collected Papers, 1928—1958. Paris. 1962, p. 184; С. Л. Тихвинский. Маньчжурское владычество в Китае. Вступительная статья к сборнику «Маньчжурское владычество в Китае», стр. 42.

²² Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л. 1937—1941, стр. 263, 346.

(жузов) — Младшего, Среднего и частично Старшего, теснимые ойратами, добровольно принимают российское подданство²³. Это остановило наступление ойратов, но ввиду сложной международной обстановки и отдаленности кочевий Среднего и особенно Старшего жузов от центров России царские власти не смогли воспользоваться результатами соглашения с казахскими владетелями и упрочить тогда свои позиции к востоку и югу от озера Балхаш.

Тем временем один из претендентов на ханский престол в Джунгарии, нойон Амурсана, в конце 1754 г., борясь за власть, решил обратиться за помощью к цинскому правительству, что было истолковано в Пекине как «переход джунгарского племени на сторону Небесной династии»²⁴. Но это было далеко не так. Из тех же сведений китайских историков можно заключить, что Амурсана рассматривал свои действия всего лишь как маневр, вел себя независимо и демонстративно пренебрег внешними знаками расположения императора Цяньлуна (особая печать, сановный костюм и регалии)²⁵. Тем не менее обращение Амурсаны за помощью развязало цинскому правительству руки и дало возможность нанести решительный удар по Джунгарскому ханству. Передовые отряды маньчжурских войск в мае 1755 г. вступили в Джунгарию; уже в сентябре Амурсана, обманувшись в своих расчетах, сам выступил против Цинской империи²⁶. Однако силы Амурсаны и примкнувших к нему некоторых ойратских феодалов к лету 1756 г. были разгромлены, самому ему пришлось скрыться в Казахстане, а Джунгарию наводнили цинские войска, которые приступили к беспощадному «истреблению джунгаров-варваров». Осенью 1756 г. Амурсана возвратился в Джунгарию, но весной следующего года вновь потерпел поражение. 30 августа 1757 г. Цяньлун отдал приказ, воспользовавшись «удобным моментом, раз и навсегда решить джунгарский вопрос»²⁷, иными словами, уничтожить Джунгарское ханство. Учиненная маньчжуро-китайскими войсками в 1756—1757 гг. резня в Джунгарии имела немного прецедентов в истории человечества. Русский историк Сибири С. Шашков в середине прошлого века так описывал ее последствия: «Джунгария была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав... Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь»²⁸.

Столь же жестокую расправу цинские войска пытались учинить над населением Горного Алтая, северные районы которого к тому времени уже вошли в состав России. По пятам отступавших ойратов маньчжуры двинулись на алтайские земли, требуя, чтобы зайсаны вступили в подданство Китая²⁹. На местное население обрушились суровые репрессии. Приехавший в начале лета 1756 г. в Бийскую крепость из Таутелютской волости есаул Ексак Бедженин рассказал русским властям, что «из китайского войска» были присланы к 12 алтайским зайсанам, «желающим протекции» царского правительства, люди с намерением взять с них поборы («алман») и переселить «с их мест в... свою землю». «А ежели-де они алману не дадут,— жаловался Ексак Бедженин на угрозы,— то всех перевесить хотят на березы»³⁰. Таким образом, цинские войска не церемонились в своем стремлении подчинить население Гор-

²³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках». Сборник документов и материалов. Алма-Ата. 1961, стр. 40, 101, 118, 129, 168—169.

²⁴ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 524, л. 36.

²⁵ «Циньдин пиндин чжуньгээр файлюе». «Чжэньбянь» («Основные записи»), цз. 14, лл. 356—366; В. С. Кузнецов. Из истории завоевания Джунгарии цинским Китаем. «Народы Азии и Африки», 1970, № 3, стр. 143.

²⁶ И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 448.

²⁷ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 543, л. 14а.

²⁸ С. Шашков. Рабство в Сибири. «Дело», кн. 3, 1869, стр. 47.

²⁹ АВГР, ф. Зюнгорские дела, 1755—1757 гг., оп. 113/1, д. 4, л. 182.

³⁰ Там же, л. 326.

ного Алтая Китаю. Поэтому близ русских крепостей наряду с ойратами появляется все больше алтайцев, стремящихся укрыться от цинских войск под защитой русских укреплений.

Росло число обращений зайсанов к русским властям Сибири с просьбой принять алтайцев в подданство России. Зайсан Омба просил царское правительство «оборонить и защитить» его от маньчжурских войск, прислав «сюда... драгун человек до ста»³¹. Группа других влиятельных алтайцев писала полковнику де Гарига в связи с угрозами маньчжуров угнать местное население: «Ежели бы вы прислали к нам войско и оным нас защитили и к себе взяли, то бы оно хорошо же было. Тако же ежели бы вы здесь на наших местах крепости построили, то бы оно было хорошо. И ныне вы, белого царя полковник, пожалуйте, возьмите нас к себе»³². После того, как в мае 1756 г. царское правительство согласилось удовлетворить просьбу населения Алтая, начался массовый переход алтайцев в российское подданство и включение Южного Алтая в состав России. Благодаря этому алтайцы и сумевшие уйти от преследования маньчжурских войск ойраты были спасены от физического уничтожения.

Тогда же, летом 1756 г., не закончив завоевания Джунгарии, маньчжуро-китайские отряды под предлогом поимки Амурсаны и других ойратских правителей проникли несколькими колоннами с разных сторон в Казахстан. В официальных распоряжениях, адресованных казахам, цинские власти угрожали им самой беспощадной расправой (вплоть до «полного уничтожения племени») за укрывательство «мятежников»³³, как именовались тогда ойраты — участники антицинских выступлений. Поскольку внимание русского правительства было отвлечено тогда европейскими делами, оно не имело здесь достаточных военных сил, чтобы воспрепятствовать маньчжурской экспансии в кочевья Старшего и Среднего жузов. Ополченцы влиятельного султана Аблая и других казахских владетелей, ранее принявших российское подданство, опираясь в тылу на русские укрепленные линии (Иртышская, Ишимская, Пресногорьковская и др.), попытались оказать сопротивление маньчжурам, но уже в первых боях потерпели поражения. По официальным китайским данным, убито было более тысячи казахов³⁴. «Настигли отступающий отряд Аблая, — доносил один из цинских офицеров об операции в кочевьях Среднего жуза в октябре 1756 г., — обезглавили 100 человек, захватили более 200 лошадей... Кроме того, вступили в сражение с другим отрядом... и убили более 20 человек...»³⁵. Под тем же предлогом поимки ойратских беженцев маньчжурские отряды приблизились к русским укрепленным линиям в Казахстане и Южной Сибири, создав напряженную обстановку на юго-восточных рубежах России³⁶. Однако непрочность монгольского тыла маньчжурских войск, выразившаяся, в частности, в антицинском восстании князя Цэгунджаба летом 1756 г., заставила маньчжурские войска покинуть к зиме казахские кочевья.

Следующую кампанию в Казахстане маньчжурские войска провели летом 1757 г., когда сам Амурсана уже искал убежища в России³⁷. Под давлением явно превосходящих военных сил Цинской империи султан Аблай, как сообщали в своих донесениях в Пекин маньчжур-

³¹ Там же, л. 183.

³² Там же, лл. 283—283 об.

³³ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе». «Чжэнбянь», цз. 27, лл. 21—216; цз. 28, лл. 10—106; цз. 32, л. 236; «Да Цин Гао цзун Чунь хуанди шилу», цз. 496, л. 246; цз. 511, л. 17а; цз. 520, л. 14а.

³⁴ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе». «Чжэнбянь», цз. 31, лл. 5—66, 76; «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 520, л. 86.

³⁵ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 520, лл. 14—166.

³⁶ Подробнее см.: Б. П. Гуревич. Указ. соч., стр. 104—105.

³⁷ И. Я. Златкин. Русские архивные материалы об Амурсане. «Филология и история монгольских народов». М. 1958, стр. 310.

ские военачальники, изъявил согласие «покориться» и стать «вассалом» Китая³⁸, хотя далеко не все его старшины были согласны вступать в какие-либо отношения с завоевателями³⁹. Объясняя русским властям сложность создавшейся тогда для Аблая ситуации, один из его приближенных говорил, что султан «принужден был объявить себя подданным (цинского Китая.— Б. Г.) и посланцев в Пекин отправлять для того, чтобы тем от притеснения китайских войск избавиться»⁴⁰. Не последнюю роль в данном случае играли личные расчеты казахского султана, надевшегося получить от маньчжуров соответствующее вознаграждение и поддержку в борьбе за ханское звание⁴¹. Опора на русские укрепленные линии давала в то же время Аблаю возможность лавировать между Россией и Китаем, тем более, что, как и в 1756 г., цинские войска были выведены к зиме из Южного Казахстана на этот раз для участия в завоевании других районов Центральной Азии.

Разгром Джунгарского ханства открыл Цинской империи путь в Восточный Туркестан (Кашгария). Феодално-теократические правители этой обширной области Центральной Азии ходжи — братья Бурхан-ад-Дин и Хан-Ходжа перешли сначала, как и в июле Амурсана, на сторону маньчжурского правительства, но затем, в июле 1757 г., выступили против захватчиков, стремясь возродить независимое уйгурское государство. По мере завершения кампании в Джунгарии цинские власти перебрасывают свои военные силы в Восточный Туркестан, где борьба принимает все более ожесточенный характер. Осенью 1759 г. под натиском цинских военных отрядов Бурхан-ад-Дин и Хан-Ходжа были вынуждены вместе со своими приближенными скрыться в Бадахшане⁴².

То, что тысячи ойратских беженцев, опасаясь от преследования цинских войск, искали укрытия в пределах России и в казахских кочевьях, вызвало ничем не обоснованные протесты и даже угрозы правительства Китая в адрес русских властей⁴³, а затем, весной и летом 1758 г., новую серию цинских карательных операций в пограничных районах Казахстана⁴⁴. По словам Н. Я. Бичурина, широко использовавшего китайские источники, цинские солдаты в ходе этих операций «обыскивали все места, куда только беззащитные старики, женщины и дети могли укрыться в сию несчастную для них годину, и до единого человека предали острию меча»⁴⁵. На подступах к кочевьям Старшего и Среднего жузов, а также к Южной Сибири снова стали сосредоточиваться крупные соединения цинских войск, что, по сведениям местной русской администрации, вызвало большое беспокойство казахов⁴⁶. Учитывая, что казахи снова могли найти защиту у русских укреплений, цинское командование потребовало их откочевки от Сибирской линии⁴⁷. Несколько раньше маньчжурские войска вновь появляются в Горном Алтае, грабя и уводя в плен местное население⁴⁸. Обстановка, сложившаяся на юго-востоке

³⁸ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 543, лл. 10а, 16—176, 296; «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Ч. 1. Алма-Ата—М. 1935, стр. 247.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 867, л. 236.

⁴⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758—1759 гг., д. 6, л. 18 об.

⁴¹ Там же, 1763—1769 гг., д. 18, лл. 344—345.

⁴² Официозные китайские авторы сообщают в этой связи, что тогда на завершающем этапе карательных операций маньчжурских войск «было срублено свыше тысячи неприятельских голов». Сун Юнь. Или цзутун шилуе («Общее историческое обозрение Илийского округа»). Б. м. 1809, цз. 11, л. 19а; Ци Юнь-ши. Синьцзян яолуе (Краткое описание Синьцзяна). Серия «Хуанчао фаньшу юйди цуншу». Т. III. Шанхай. 1903, цз. 4, л. 66.

⁴³ Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань. 1882, стр. 276.

⁴⁴ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлуе». «Чжэнбянь», цз. 52, л. 1а.

⁴⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмык XV столетия до настоящего времени. СПб. 1834, стр. 125.

⁴⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758 г., д. 4, л. 92 об.

⁴⁷ Там же, ф. Зюнгорские дела, 1758 г.; оп. 113/1, д. 4, л. 319 об.

⁴⁸ Там же, 1757 г.; оп. 113/1, д. 3, л. 369.

России, побудила царское правительство к проведению ряда военно-оборонительных мероприятий в Казахстане и Южной Сибири⁴⁹.

Территория Джунгарии, а затем и Восточного Туркестана стала плацдармом, с которого маньчжурские войска вскоре развернули военные действия в Киргизии, рассчитывая «непременно привести ее население в ужас»⁵⁰. Под предлогом преследования ойратских беженцев цинские отряды летом 1758 г. прошли из долины р. Или в Северную Киргизию. Здесь произошло первое столкновение киргизов с маньчжуро-китайцами⁵¹. После этого, как утверждают официальные китайские материалы, некоторые киргизские бии «выразили согласие покориться [Китаю]»⁵². Один из таких источников содержит характерное описание подобной «церемонии», имевшей место в одном из пограничных районов Киргизии. «Он (речь идет о командире разведывательного маньчжурского отряда.— Б. Г.) ...обнаружил более сотни всадников, после чего захватил этих людей и лошадей, а из числа захваченных один человек сказал, что... они желают покориться»⁵³. В 1759 г. цинские войска, преследуя Бурхан-ад-Дина и Хан-Ходжу, ворвались на территорию Южной Киргизии, где стремились таким же насильственным путем добиться «подчинения Китаю» ряда других киргизских племен⁵⁴.

Характер взаимоотношений Цинской империи с казахами и киргизами определялся как традиционными великоханскими концепциями, так и обстановкой, которая складывалась в Казахстане и Киргизии. И даже вопрос о традиционной «дани», символизировавшей «вассальную зависимость», в некоторых случаях (как это было, например, с султаном Аблаем) передавался на усмотрение самого казахского владельца, которому предлагалось поступать так, как он сам того хотел⁵⁵. Никаких конкретных обязательств перед маньчжурским двором «покорившиеся» ему правители Казахстана и Киргизии на себя не брали, оставаясь свободными от уплаты постоянных податей и несения воинской службы, а подчас даже и от обязательного приношения дани. Пожалование отдельным представителям казахской и киргизской феодально-родовой верхушки титулов и чиновных знаков также носило чисто формальный характер, ибо никакого вспомоществования от Пекина они в этих случаях не получали. Официальные китайские источники свидетельствуют, что маньчжурское правительство не считало Казахстан и Киргизию частями Цинской империи. Император Цяньлун в одном из своих указов от 1757 г. отмечал, что китайско-казахские отношения были аналогичны отношениям существовавшим тогда между Китаем и другими сопредельными с ним государствами Азии — Вьетнамом, Таиландом и т. д.⁵⁶, которые в Пекине рассматривали как «подвассальные».

Уведя в конце концов свои войска в пределы Джунгарии и Восточного Туркестана, маньчжурские власти решили, однако, попытаться удержать контроль над бывшими ойратскими кочевьями в пограничных с этими областями землях Казахстана и Киргизии. Эти земли, как и некоторые районы Северной Джунгарии, были исконными кочевьями казахов и киргизов, временно потерянными в результате набегов ойратов. Позднее, в период разгрома Джунгарского ханства маньчжурскими войсками, все эти кочевья обезлюдели, но потом вновь оказались в руках

⁴⁹ Подробнее см.: Б. П. Гуревич. Указ. соч., стр. 109.

⁵⁰ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 579, л. 17а.

⁵¹ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе». «Чжэньбянь», цз. 56, л. 9б.

⁵² «Циньдин хуаньюй Си-юй тучжи», цз. 45, л. 1а; «Цин ши гао», цз. 534, л. 7б.

⁵³ Цит. по: Суй Сун. Си-юй шуйдао цзи («Записки о водных путях Западного края»). Б. м. 1823, цз. 1, л. 4б.

⁵⁴ «Циньдин хуаньюй Си-юй тучжи», цз. 45, лл. 3б—4а; «Цин ши гао», цз. 534, л. 8а.

⁵⁵ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 543, л. 17б.

⁵⁶ Там же, цз. 548, л. 13б.

прежних хозяев — казахов и киргизов, правители которых надеялись, что, объявив себя «вассалами» Китая, они смогут добиться официального признания своих прав на эти земли⁵⁷. Однако цинское правительство, укрепив свои позиции в Джунгарии и Восточном Туркестане, сразу же потребовало, чтобы казахи и киргизы покинули бывшие ойратские кочевья⁵⁸. Несмотря на усилия некоторых правителей Казахстана и Киргизии добиться путем организации специальных посольств в Пекин возвращения своих исконных земель, маньчжурские власти оставались непреклонными. В пограничных районах довольно часто возникали на этой почве казахско-китайские и киргизо-китайские споры и даже кровопролитные столкновения.

Тесня казахов и киргизов, цинские военные отряды захватывали их скот и имущество, забирали в плен людей. По словам одного из казахских владельцев, осенью 1761 г. казахи Среднего жуза, которые попытались вернуться на границы Джунгарии, были оттуда «сильно и весьма строго выгнаны». Оставив свой скот, они откочевали из района Тарбагатая в сторону русских крепостей на Иртыше⁵⁹. На протяжении 1762—1763 гг. репрессивные меры в отношении казахов и киргизов, упорно возвращавшихся на свои бывшие кочевья на границах Джунгарии и Восточного Туркестана, еще более усилились⁶⁰. Это была, по существу, новая, необъявленная война цинского Китая против населения Казахстана и Киргизии.

В погоне за ойратскими беженцами, а также Бурхан-ад-Дином и Хан-Ходжей маньчжурские военные отряды в 1759 г. доходили до границ некоторых феодальных владений Средней Азии. Однако закрепиться им здесь не удалось. По свидетельству тех же китайских официальных источников, они лишь вынудили местных правителей объявить себя «покорившимися» Китаю⁶¹. Но и в данном случае эти акты носили чисто номинальный характер. Между тем опубликованный в связи с завершением кампании маньчжурских войск указ императора Цяньлуна содержал такие утверждения: «Вы, на далеких окраинах, прослышав, что великая армия покорила мусульман (имеется в виду Восточный Туркестан.— *Б. Г.*), а бадахшанцы известили о том, что шлют в дар головы мятежников (речь идет о головах Хан-Ходжи и некоторых его сподвижников.— *Б. Г.*), задумали искренне подчиниться (!) и прислали послов на аудиенцию... Мы увеличили милость... и неоднократно угощали на пирах и одаривали атласом и утварью... Ваши племена притеснялись джунгарами. Теперь вы стали моими вассалами»⁶². Однако в действительности речь шла всего лишь об установлении эпизодических связей между Цинской империей и некоторыми государствами Средней Азии, взаимном обмене посланниками, подарками и т. п. По китайской традиции, подобные подарки опять-таки рассматривались в качестве «дани», в то время как это были всего лишь небольшие подношения вроде нескольких лошадей, собак, кречетов, предметов вооружения, одежды, посуды и т. п.⁶³.

События, развернувшиеся вскоре в Средней Азии, убедительно свидетельствовали о прозрачности влияния цинских властей на политику местных феодальных правителей. Заметно усилившиеся кокандские беки

⁵⁷ Там же, цз. 546, л. 10а.

⁵⁸ Там же, цз. 543, л. 176; цз. 555, л. 19а; цз. 609, л. 18а.

⁵⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 632.

⁶⁰ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе». «Сюйбянь» («Продолжение»), цз. 22, лл. 116—126; цз. 23, л. 2а; «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 674, л. 86; цз. 691, л. 5а.

⁶¹ «Циньдин хуаньюй Си-юй тучжи», цз. 45, лл. 5а, 7а—7б; цз. 46, лл. 4а—4б; «Цин ши гао», цз. 534, л. 6а.

⁶² «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 605, л. 106.

⁶³ «Циньдин хуаньюй Си-юй тучжи», цз. 45, лл. 5а—5б; цз. 46, л. 16; «Цин ши гао», цз. 534, л. 116.

уже в 60-х годах XVIII в. выступили с претензиями на земли сопредельных государств и народов, что привело их к столкновению с маньчжурами⁶⁴. По мере укрепления Кокандского ханства, ставшего одним из могущественных государств Средней Азии, оно начинает оказывать все большее влияние на обстановку в Восточном Туркестане.

Таким образом, полностью осуществить экспансионистскую программу в северо-западных районах Центральной Азии цинскому правительству во второй половине XVIII в. помешали незавершенность его карательных кампаний в Джунгарии и Восточном Туркестане, а также непрочность монгольского тыла. Позднее все более важным фактором становилось сопротивление народов Казахстана и Средней Азии, а также военно-оборонительные мероприятия России в Южной Сибири и Казахстане. Завоеватели были, таким образом, вынуждены остановиться на естественных рубежах Джунгарии, Восточного Туркестана и Западной Монголии. Но угроза вторжения маньчжуро-китайцев тревожила народы Казахстана и Средней Азии вплоть до конца XVIII века.

В 1760 г. Джунгария и Восточный Туркестан были сведены маньчжурами в особую административную единицу — наместничество Синьцзян (Новая граница), которое стало форпостом Цинской империи в Центральной Азии. Здесь, и прежде всего в важных в стратегическом отношении районах Джунгарии — Или и Тарбагатай, были размещены гарнизоны маньчжурских войск. Только в одной Джунгарии их численность превышала 34 тыс. человек⁶⁵. Примечательно, что в китайских официальных источниках того времени Или и Тарбагатай рассматривались как «два рога» Цинской империи, нацеленные на Казахстан и Южную Сибирь⁶⁶. Даже современные китайские авторы, склонные к идеализации политики Цинской империи, признают, что все мероприятия ее властей в Синьцзяне обуславливались тогда планами сохранения господства маньчжурского Китая в Центральной Азии⁶⁷. С этими планами было связано и широкое военное строительство, развернувшееся в начале 60-х годов XVIII в. в Джунгарии, и особенно в Тарбагатае, районе казахских кочевий. Здесь, на урочище Яр, в 1765 г. был сооружен город-крепость Чжаофын, перенесенный в 1767 г. южнее — на урочище Чухучу — и получивший название Чугучака⁶⁸. Широко распространяется система маньчжуро-китайских военных поселений. Одновременно, как сообщали эмиссары русского правительства, побывавшие тогда в казахских кочевьях, на границах Казахстана и Южной Сибири снова начинается концентрация военных сил Цинской империи; к середине 60-х годов XVIII в. создается прямая угроза вооруженного конфликта между Россией и маньчжурским Китаем в Центральной Азии⁶⁹.

Установление маньчжурского господства в Джунгарии и Восточном Туркестане повлекло за собой тяжелые последствия для коренного населения — уйгуров, казахов, ойратов, киргизов и др. Завоеватели сурово подавляли любые попытки сопротивления. Представители чужеземной маньчжурской военщины и бюрократии были посажены на ключевые посты в местной администрации⁷⁰. Эти органы власти учреждались «с тем,

⁶⁴ См. Б. П. Гуревич. Указ. соч., стр. 107.

⁶⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Статистическое обозрение Чжунгарии в нынешнем ее состоянии. «Русский вестник», 1841, т. 3, стр. 625.

⁶⁶ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе». «Сюйбянь», цз. 13, л. 186.

⁶⁷ Люй Чжэнь-юй. Исторические связи Синьцзяна с нашей родиной, стр. 32.

⁶⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Статистическое обозрение Чжунгарии в нынешнем ее состоянии, стр. 620.

⁶⁹ Подробнее см.: Б. П. Гуревич. Указ. соч., стр. 110—113.

⁷⁰ Hsü Immanuel C. Y. Ili Crisis. A Study of Sino-Russian Diplomacy. 1871—1881. Oxford. 1965, p. 20.

чтобы прямо или косвенно добиться повиновения и получить возможность неограниченной эксплуатации» народов Синьцзяна⁷¹. Цинские власти стремились выжать максимум из местного населения для содержания воинских гарнизонов. Каждый земледелец-крестьянин кормил своим трудом трех солдат из расположенных здесь гарнизонов цинских войск⁷². Трудящиеся массы некитайских народов Синьцзяна испытывали двойной гнет — собственных феодалов и маньчжуро-китайских завоевателей. Помимо многочисленных поборов, крестьяне и ремесленники привлекались к различного рода трудовой повинности (строительство дорог, крепостей, домов чиновников и т. д.)⁷³. Эмиссар русских властей М. Арапов, побывавший летом 1764 г. в кочевьях султана Аблая, писал: «Городков Малой Бухарии (Восточного Туркестана.— Б. Г.) народ от тех китайских войск несносное притеснение чувствует от податей, взыскиваемых с них теми войсками, а наипаче ныне от переселения с настоящих их мест внутрь китайской линии» (то есть в Джунгарию.— Б. Г.)⁷⁴.

Режим жестокого угнетения и произвола, установленный в Джунгарии и Восточном Туркестане цинским правительством, надругательства над национальными и религиозными традициями уйгурского, казахского и других народов являлись причиной постоянных волнений в Синьцзяне. Началом их стали восстания уйгурского населения в Кашгарском округе в 1760 г. и в г. Уч-Турфане в 1765 году. Жесточайшие репрессии в отношении повстанцев были предписаны лично императором Цяньлуном⁷⁵. После зверского подавления восстания в Уч-Турфане город почти опустел⁷⁶. Побывавший позднее в Восточном Туркестане известный казахский ученый-просветитель Ч. Валиханов писал, что восстание в Уч-Турфане «показало Китаю всю ненадежность этих городов, в которых только страх и крутые полицейские меры могли удержать спокойствие народа»⁷⁷. Оценивая в общих чертах последствия маньчжурского завоевания для исторических судеб некитайских, и прежде всего тюркских народов Центральной Азии, китайский историк Люй Чжэнь-юй в свое время признавал, что с установлением господства Цинской империи эти народы в экономическом и культурном отношении были отброшены далеко назад⁷⁸.

Сложная обстановка складывалась в пограничных с Синьцзяном районах Казахстана и Киргизии. Заинтересованные на первых порах в поддержке со стороны кочевых и полукочевых народов, маньчжуры заигрывали с их родо-племенной верхушкой. Однако по мере укрепления своего положения они все более бесцеремонно вели себя в кочевьях. Цинские власти с возраставшей настойчивостью и ожесточением старались не только изгнать казахов из Северной Джунгарии, но и вообще оттеснить их подальше от границ Синьцзяна⁷⁹. Для этого маньчжуры выдвинули в некоторые пограничные с Синьцзяном районы Юго-Восточного Ка-

⁷¹ «Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн», стр. 551.

⁷² Л. И. Думан. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. «Маньчжурское владычество в Китае», стр. 276.

⁷³ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. Т. II. Алма-Ата. 1962, стр. 257; Л. И. Думан. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в., стр. 117—216; Д. И. Тихонов. Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX и первой четверти XX в. «Советское востоковедение», 1949, вып. VI, стр. 338; Х. Зияев. Восстание 1826 г. в Восточном Туркестане. Автореф. канд. дисс. М. 1952, стр. 8.

⁷⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», стр. 666.

⁷⁵ В. С. Кузнецов. Из истории освободительной борьбы уйгурского народа. Восстание в Уч-Турфане (1765 г.). «Народы Азии и Африки», 1974, № 1, стр. 134—137.

⁷⁶ Фэн Цзя-шэн, Чэнь Су-ло, Му Гуань-вэнь, Вэйуэр цзу шиляо цзянь бинь (Материалы для краткой истории уйгуров). Ч. 2. Пекин. 1956, стр. 136, 145.

⁷⁷ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. Т. II, стр. 315.

⁷⁸ Люй Чжэнь-юй. Чжунго миньцзу цзяньши (Краткая история народов Китая). Пекин. 1951, стр. 116.

⁷⁹ «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе». «Сюйбянь», цз. 30, лл. 1—16.

захстана и Южной Сибири цепь передвижных или временных пикетов. Такая же картина наблюдалась в пограничных районах Северной Киргизии.

Упорная борьба казахов за право пользоваться своими исконными пастбищами вынудила цинское правительство в 1767 г. согласиться на то, чтобы в зимнее время они пребывали в Тарбагатае при условии выплаты налога — с каждой сотни голов скота одну⁸⁰. На некоторых других захваченных Китаем приграничных землях Казахстана и Киргизии предписывалось собирать аналогичные поборы лишь «в соответствии с обстановкой»⁸¹. По свидетельству современников, офицеры маньчжурских патрульных отрядов «стремились взять получше и побольше», а солдатские кони зачастую безжалостно вытаптывали поля земледельцев⁸². Обстановка в связи с этим становилась день ото дня напряженней; поборы производились «с все большим трудом»⁸³. «После [годов правления] Цяньлуна пограничные чиновники потеряли [чувство] меры [и] злоупотребляли властью, [поэтому] постоянно возникали беспорядки»⁸⁴. Наконец, убедившись в невозможности осуществить экспансионистские планы в Казахстане и Киргизии, маньчжурские правители сами начинают рассматривать земли по обе стороны рубежей Синьцзяна, населенные кочевыми и полукочевыми народами, в качестве буферной зоны (по китайской терминологии — «пинфань» — «заслон», или «бяньцзин» — «рубеж») ⁸⁵.

Цинское правительство проводило в Синьцзяне торговую политику, соответствовавшую общему традиционному для Китая изоляционистскому курсу. По выражению китайского историка Дай И, эта политика была в руках «немногочисленной маньчжурской аристократии инструментом для подчинения себе национальностей Китая»⁸⁶. Завоеватели всячески пытались ограничить хозяйственно-экономические связи Джунгарии и Восточного Туркестана с сопредельными государствами и народами. Торговля с казахами, например, носила случайный, искусственный характер⁸⁷. За кордоном уйгурским купцам разрешалось торговать лишь в близлежащих киргизских кочевьях. На рубеже XVIII—XIX вв. даже в самом Синьцзяне передвижение местного населения было ограничено⁸⁸. Особенно подозрительно относились цинские власти к торгово-экономическим связям Синьцзяна с Россией, запретив здесь вообще сбыт русских товаров⁸⁹. Такая политика разобщения народов Центральной Азии, насильственная ликвидация традиционных внешних связей между ними обрекала население Синьцзяна на хозяйственный застой и культурную отсталость.

В начале XIX в. в связи с общим экономическим отставанием Китая, вторжением в страну западноевропейских колонизаторов и обострением противоречий внутри феодального китайского общества возможности

⁸⁰ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 780, лл. 346—35а.

⁸¹ Сун Юнь. Циньдин Синьцзян шилуе. Б. м. 1821, цз. 7, л. 2а.

⁸² Ци Юнь-ши. Си-юй яолуе (Краткая сводка важнейших сведений о Западном крае). 1-е изд.— 1808. Шанхай. 1937, цз. 4, л. 496.

⁸³ Чунь Юнь. Си-юй вэнь цзянь лу (Описание виденного и слышанного в Западном крае). Б. м. 1777, цз. 3, л. 2а.

⁸⁴ «Цин ши гао», цз. 534, л. 86.

⁸⁵ Сун Юнь. Циньдин Синьцзян шилуе, цз. 12, л. 1а; «Циньдин пиндин Хуэйцзян чаоцзинь ни-и фанлюе», цз. 62, л. 10а.

⁸⁶ Дай И. Чжунго цзиньдай шигао (Очерки по новой истории Китая). Пекин. 1958, стр. 58.

⁸⁷ К. Ш. Хафизова. К вопросу о казахско-китайской торговле во второй половине XVIII в. Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М. 1973, стр. 129—136.

⁸⁸ См. «Путешествие Рафаила Данибегашвили». М. 1961, стр. 27.

⁸⁹ «Да Цин Гао-цзун Чунь хуанди шилу», цз. 814, лл. 1а—2б.

экспансионистской политики маньчжуров значительно сузились да и престиж цинского правительства среди народов Центральной Азии упал. Сложной политической и экономической проблемой для маньчжурских властей становится Синьцзян. На содержание здесь крупных военных гарнизонов требовалось все больше средств, в то время как население нищало. Совершивший в 1823 г. поездку по некоторым районам Северо-Западного Китая семипалатинский купец Б. Нагматов в своих «показаниях» русским властям Сибири писал об обнищании здешнего трудового люда: «Часто случалось встречать по дорогам и в городах людей, умирающих с голоду»⁹⁰.

Политика национального угнетения и грабежа некитайских народов Синьцзяна привела к тому, что в 1826 г. здесь вспыхнуло крупное антицинское восстание под руководством одного из потомков ходжей, Джангира, которое охватило ряд районов Восточного Туркестана. По донесению эмиссара русского правительства Бубенова, побывавшего весной 1827 г. в пограничных с Синьцзяном районах Казахстана и Киргизии, Джангир-ходжа пытался даже создать военно-политический блок таких мусульманских государств, как Коканд, Бухара, Хива и Бадахшан, против Цинской империи⁹¹. Указ императора Даогуана, опубликованный в конце 1826 г., весьма красноречиво свидетельствовал о решимости маньчжурских властей восстановить свое господство над народами Восточного Туркестана. «Тем, кто будет противодействовать нашим войскам, — таковых истреблять со всем им принадлежащим, не оставлять и зародышей крамольных»⁹², — вешал император. По свидетельству официального цинского историографа прошлого века Вэй Юаня, маньчжурские каратели с необычайной жестокостью расправились с уйгурскими повстанцами: «Сколько убито неприятелей, не было счета; живыми схвачено более 4 000...»⁹³. Одновременно войска устроили самое настоящее побоище в киргизских кочевьях. По словам омского областного начальника писавшего в Азиатский департамент МИД России 15 декабря 1827 г., «китайцы в усмирении и отмщении дикокаменных киргизов (как тогда именовались в русской литературе киргизы. — Б. Г.) сделали нападение на сопредельные Кашгарии их кочевья, многих киргизов смертью казнили...»⁹⁴.

Однако, несмотря на поражение восстания, его уроки были весьма поучительны. «После джангирского восстания обнаружилась вся слабость китайцев, которые до тех пор для азиатцев казались непобедимыми»⁹⁵, — писал Ч. Валиханов в результате своих наблюдений за политической обстановкой в Восточном Туркестане. За восстанием Джангира последовал ряд других антицинских освободительных выступлений в Синьцзяне (1830, 1847 гг.), на участников которых маньчжурские власти обрушились с такой же жестокостью, в результате чего десятки тысяч уйгуров были вынуждены оставить родные места в Восточном Туркестане и бежать в Среднюю Азию⁹⁶.

Эти эмигранты (прежде всего укрывшиеся в Коканде) — потомки восточнотуркестанских ходжей — использовались кокандскими ханами для оказания постоянного давления на цинские власти в Синьцзяне, которые в конце концов были вынуждены предоставить Коканду ряд пре-

⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 345, л. 9.

⁹¹ АВПР, ф. Главный архив, 1—13, 1826—1831 гг., оп. 10, д. 2, лл. 107—108, 111.

⁹² Там же, лл. 60—64. Перевод из пекинской газеты «Цзинь бао» («Столичный вестник»).

⁹³ Палладий. Извлечение из китайской книги: «Шэн-ву-ци». Пекин. 1907, стр. 48.

⁹⁴ АВПР, ф. Главный архив, 1—13, 1826—1831 гг., оп. 10, д. 2, л. 132.

⁹⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. Т. II, стр. 321—322.

⁹⁶ Бухари Мирза-Шемс. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Казань. 1861, стр. 106; Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. Т. II, стр. 328.

имущественных прав в Восточном Туркестане (сбор торговых пошлин, допуск в Кашгар специального кокандского эмиссара — аксакала — и т. д.), что, по существу, ограничивало здесь суверенитет цинских властей. Посетивший Кашгар в середине XIX в. Ч. Валиханов отмечал, что четвертая часть населения крупнейших городов Восточного Туркестана «зависит во всех отношениях от кокандцев» и что кокандский аксакал, «в сущности, есть отдельный губернатор»⁹⁷. Кокандские правители к тому времени были уже настолько сильны в военно-политическом отношении, что смогли практически подчинить своему контролю западные районы Восточного Туркестана⁹⁸.

Развернувшееся в 1857 г. в Восточном Туркестане восстание, во главе которого стоял Валихан-тюря, явилось новым свидетельством непрочности маньчжурского господства в Синьцзяне. Оно также было жестоко подавлено. Цинские каратели расправились со всеми, кто хоть в малейшей степени имел отношение к восстанию. Ч. Валиханов, лоббивавший в Кашгаре сразу же после подавления восстания, писал: «Головы этих казненных в особенных клетках в виде аллей украшают и поныне дорогу в ворота Кашгара»⁹⁹. Общий кризис Цинской империи, внутри которой назревали мощные аниманьчжурские и антифеодальные выступления, шаткость ее позиций в Центральной Азии способствовали окончательному падению влияния цинского правительства среди казахской и киргизской феодально-родовой верхушки. Обезымы маньчжурскими патрульными отрядами пограничных с Синьцзяном районов Казахстана и Киргизии постепенно прекращаются.

Середина XIX в. ознаменовалась заметным ростом влияния России в северо-западной части Центральной Азии. Народы Казахстана и Киргизии явно отдавали предпочтение более могущественной в военно-политическом и более развитой в экономическом и культурном отношении России. Борьба казахских и киргизских владетелей за возвращение своих кочевий на границах Джунгарии и Восточного Туркестана убеждала их в том, что нельзя ожидать каких-либо существенных выгод от сближения с цинским Китаем. Об этом свидетельствовал также ограниченный характер торгово-экономических связей Казахстана и Средней Азии с Синьцзяном, в то время как такие связи с Россией становились с каждым годом шире, что способствовало дальнейшему вовлечению Казахстана в экономическую систему России. Казахи, а затем и киргизы получили возможность приобретать необходимые им промышленные товары, сбывать излишки скотоводческой продукции и усваивать навыки более передового ведения сельского хозяйства¹⁰⁰. Значительно укрепляются также политические связи казахов и киргизов с русским правительством¹⁰¹. Эти тенденции становятся определяющими для исторических судеб народов Казахстана и Киргизии.

Чтобы освободиться от тяжелого гнета правителей Кокандского ханства и покончить с разорительными феодальными и родовыми междоусобицами, киргизы и та часть казахов, которая еще не вступила фактически в подданство России, с начала XIX в. стали все чаще и настойчивее обращаться за помощью к царскому правительству, выражая желание принять или закрепить свое российское подданство. Это отвечало также интересам русских властей, стремившихся обеспечить безопасность на торговых путях в Синьцзян, куда вопреки запретам цинского правительства

⁹⁷ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч. Т. II, стр. 372.

⁹⁸ Там же, стр. 326; З а й ч е н к о. Памир и Сарыкол. Ташкент. 1903, стр. 70—71.

⁹⁹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч. Т. II, стр. 335.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Н. Г. А п о л л о в а. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М. 1960; Б. Д ж а м г е р ч и н о в. Указ. соч.

¹⁰¹ Подробнее см.: С. З. З и м а н о в. Политический строй Казахстана конца XVIII в. и первой половины XIX в. Алма-Ата. 1960; Б. Д ж а м г е р ч и н о в. Очерки политической истории Киргизии в XIX в. (первая половина). Фрунзе. 1966.

проникали промышленные товары из России¹⁰². Еще в 1818 г. султан Старшего жуза Сюка Аблайханов, владения которого лежали на важных караванных путях в Китай, обратился к правительству России с просьбой принять его вместе с несколькими десятками тысяч подвластных ему казахов в российское подданство¹⁰³. Пять лет спустя оформила свое вступление в подданство России еще одна большая группа султанов и биев Старшего жуза, а в 1846 г. все казахи этого жуза приняли российское подданство¹⁰⁴.

Стремление упрочить связи с Россией росло и среди населения Киргизии, все более страдавшего от жестоких междоусобиц. Весной 1848 г. главный манап богу—одного из крупнейших киргизских племен—Б. Бекмуратов писал генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову: «В здешних местах ни со стороны кокандцев ниже китайцев никто, прибыв сюда, ничего не в силах сделать». Обращаясь к русским властям за помощью, он предлагал даже заложить в его кочевьях город¹⁰⁵. Процесс добровольного перехода большей части населения Северной Киргизии в российское подданство завершился в середине 50-х годов. Несмотря на колониальный характер политики царизма на окраинах, присоединение к России обеспечивало народам Казахстана и Средней Азии прекращение разорительных междоусобиц, способствовало развитию производительных сил и новых социально-экономических отношений, открывало возможность приобщения к передовой культуре русского народа. «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку,— писал Ф. Энгельс.—...господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹⁰⁶.

Тем не менее правительство цинского Китая все еще стремилось помешать завершению процесса присоединения к России Казахстана и Киргизии. Оно снова засылает в казахские и киргизские степи, за линию своих постоянных пикетов, эмиссаров и военные отряды, заигрывает с некоторыми представителями местной феодальной знати и даже предьявляет русским властям ни на чем не основанные территориальные притязания на ряд районов Южного Казахстана и Северной Киргизии, находившихся уже в составе России¹⁰⁷. В то же время продолжают бесчинства маньчжурских солдат в приграничных казахских и киргизских аулах. В 1862 г. большая группа видных киргизских манапов из рода богу была вынуждена обратиться к русским властям с просьбой оказать ей помощь против маньчжуро-китайцев. Манапы писали: «Сделавшись подданными России, мы надеялись жить покойными и освобожденными от притеснений китайцев, но они и доньше обидят нас, отнимают у нас стойбища по Текесу, Музарату и Кегену, называя их своими, тогда как земли эти с незапамятных времен, со времен предков наших, всегда были нашей собственностью, а теперь сделались даже царской собственностью, как народа, подданного России»¹⁰⁸.

Успехи политики России в Казахстане и Средней Азии, приближение ее владений к владениям Цинской империи в Центральной Азии вызывали необходимость решения различных межгосударственных вопросов и, в частности, установления русско-китайской границы в Центральной

¹⁰² М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.-Л. 1949, стр. 335—344.

¹⁰³ АВГР, ф. Главный архив, 1—10, 1818 г., д. 1, лл. 1—36, 23—246.

¹⁰⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 годы)». Сборник документов и материалов. Алма-Ата. 1964, стр. 214—215, 305—306, 319, 325—326.

¹⁰⁵ АВГР, ф. Главный архив, 1—7, 1844—1863 гг., д. 1, л. 11.

¹⁰⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 241.

¹⁰⁷ «Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева в 1859—1860 годах». СПб. 1895, стр. 389; И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875. СПб. 1912, стр. 151—156, 164—172, 214—221.

¹⁰⁸ АВГР, ф. Главный архив, 1—9, 1862 г., оп. 8, д. 24, ч. 1, лл. 453—454.

Азии¹⁰⁹. В основном граница была определена условиями Пекинского договора 1860 г. и связанного с ним Чугучакского протокола 1864 г., закрепивших фактическое положение, которое сложилось в результате присоединения к России Казахстана и ряда районов Киргизии. Это присоединение, сопровождавшееся эффективным хозяйственным освоением русскими переселенцами Прииртышья и Семиречья, отличалось от маньчжуро-китайской колонизации Синьцзяна, который продолжал оставаться для цинского правительства прежде всего военным форпостом. Отмечая данное обстоятельство, американский историк и публицист Ф. Уотсон пишет в своей работе «Границы Китая»: «Со стороны китайцев не было ничего такого, что в какой-то мере походило бы на длительный процесс расширения Московского государства и освоения им земель за Волгой»¹¹⁰.

В 60-е годы обстановка в Синьцзяне, где росло недовольство великодержавной политикой маньчжурского правительства, все более обострялась. Начавшееся здесь в 1864 г. мощное антицинское восстание дунган и уйгуров, которое явилось отзвуком великой крестьянской войны (известной как движение тайпинов), было поддержано казахами и киргизами и потрясло до основания маньчжурскую военно-бюрократическую машину в Северо-Западном Китае. На территории Синьцзяна вскоре образовалось несколько независимых феодально-теократических владений: Йэттишар («Семиградье») с центром в Кашгаре, Таранчинское ханство с центром в Кульдже и Дунганский султанат с центром в Урумчи. Наиболее крупным и сильным среди этих владений было Йэттишар, занимавшее большую часть Восточного Туркестана. Правителем его становится выходец из Коканда Якуб-бек, который восстановил национальную государственность уйгурского народа¹¹¹.

Хотя цинские власти в борьбе против дунгано-уйгурских повстанцев неоднократно обращались за военной помощью к России, царское правительство до поры до времени воздерживалось от вмешательства в дела Синьцзяна¹¹². Однако дальнейшее развитие событий, и особенно намерение Якуб-бека, установившего контакт с Англией, подчинить себе Таранчинское ханство¹¹³, вынудило в конце концов русские власти в Казахстане и Западной Сибири перейти к активным действиям в Джунгарии. 22 июня 1871 г. русские войска при поддержке казахов-волонтеров почти без сопротивления заняли Илийский край (с центром в городе Кульдже), населенный уйгурами, дунганями, монголами и другими народами. Эта акция, как видно из материалов Особого совещания в Петербурге 20 апреля того же года, рассматривалась, однако, правительством Рос-

¹⁰⁹ Русско-китайский Кульджинский договор 1851 г., касаясь главным образом вопросов торговли между Россией и Китаем в Джунгарии, по существу, как это заметил Г. Е. Грумм-Гржимайло, содержал уже отказ Цинской империи от притязаний на территории Казахстана и Киргизии (Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч. Т. 2, стр. 730).

¹¹⁰ F. Watson. The Frontiers of China. N.-Y.—Washington. 1966, p. 36.

¹¹¹ А. Н. Куропаткин. Кашгария. СПб. 1879; D. Ch. Boulger. The life of Jakob-Beg. L. 1878; Н. Веселовский. Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский. «Записки восточного отделения императорского Русского археологического общества», 1899, т. XI; Д. И. Тихонов. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. «Советское востоковедение», 1948, т. V; А. Л. Нарочницкий. Указ. соч.; А. Ахметжанов. Агрессивные устремления английского капитализма в Западном Китае в 60—70-х годах XIX в. «Ученые записки» Алма-Атинского пединститута имени Абая, 1956, т. XI (1); Н. А. Халфин. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент. 1957; Г. А. Хидояттов. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы XIX в.). Ташкент. 1969; Д. А. Исаев. Национально-освободительная борьба уйгуров (1864—1878). Государство Йэттишар и его внешняя политика. Автореф. канд. дисс. М. 1972.

¹¹² ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, л. 35, св. 894, лл. 2—4, 19—20; ф. 447, д. 7, лл. 124—125; П. Р. Несколько дней в Кульдже. «Военный сборник», 1866, № 8, стр. 133; «Туркестанский край». Т. II. Ташкент. 1912—1914, стр. 210.

¹¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6823, лл. 117, 244, 255.

сии в качестве временной меры, которая должна была помочь цинским властям в борьбе с повстанцами в Синьцзяне ¹¹⁴.

Стремясь задуть освободительную борьбу народов Синьцзяна, цинское правительство уже в середине 70-х годов XIX в. направило туда огромную карательную армию во главе с генералом Цзо Цзун-таном, одним из палачей тайпинского восстания ¹¹⁵. Правящие маньчжурские круги считали этот поход осуществлением «исторической миссии династии» на север-запад империи, которая должна была быть выполнена любой ценой ¹¹⁶. Опубликованные позднее записки Цзо Цзун-тана, начавшего свой путь в Синьцзян через провинции Шэньси и Ганьсу, изобилуют описаниями сцен бесчеловечных расправ над дунганским населением ¹¹⁷. По свидетельству одного из китайских историков, еще до начала своего похода Цзо Цзун-тан заявлял, что «без большого превосходства сил и без беспощадных убийств невозможно умиротворение мусульман» ¹¹⁸. Путь маньчжуро-китайских карателей был дорогой разрушений и разбоя, последствия которых вызвали беспокойство даже самого цинского правительства ¹¹⁹. Не так давно Люй Чжэнь-юй писал об этих зверствах армии Цзо Цзун-тана: «Все постройки сжигались, скот и имущество подвергались разграблению, а жители без различия пола и возраста убивались. Везде валялись трупы и лилась рекой кровью...» ¹²⁰. Цинские сановники открыто похвалялись, что в течение двух лет маньчжуро-китайскими войсками было убито более 100 тыс. дунганских и уйгурских повстанцев ¹²¹.

Такая жестокость карательной экспедиции Цзо Цзун-тана вызвала бегство из Синьцзяна в пределы России больших групп дунганского населения. Русские власти были вынуждены специально обратиться к цинскому командованию с увещанием прекратить побоище. «Подобный жестокий и коварный образ действий,— писал в мае 1877 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман, адресуясь к Цзо Цзун-тану,— недостойн военачальника великой державы, не может не произвести самого тяжелого впечатления на то население, которое китайское правительство стремится опять подчинить своей власти...» ¹²².

После разгрома дунгано-уйгурского восстания цинское правительство поставило перед русскими властями вопрос о возвращении Китаю Илийского края. Это вызвало тревогу среди местного населения, которое не хотело оставаться под маньчжуро-китайским игом и заявляло о своем намерении уйти вместе с русскими войсками. На имя царских властей в Туркестане стали поступать многочисленные петиции и прошения уйгуров и дунган о принятии их в русское подданство. В одной из петиций уйгуров, поданной 24 января 1878 г., говорилось: «Более ста лет наши деды и отцы, как безмолвные рабы и даже вьючные животные, переносили все ужасы... Никто не был уверен в том, что даст грядущий день. Ни жизнь, ни имущество, ни честь жен и дочерей наших не были ни на мгновение в безопасности: все могло исчезнуть и погибнуть от одного слова низшего китайского чиновника... Но вот, наконец, мы уже почти семь лет

¹¹⁴ Там же, ф. 400, оп. 258/908, 1871 г., д. 18, лл. 127—128.

¹¹⁵ А. Ходжаев. Карательные походы цинского правительства против восставших народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 1864—1878 годах. Автореф. канд. дисс. М. 1973.

¹¹⁶ «Циньдин пиндин Шань Гань Синьцзян хуэйфэн фанлюе» («Высочайше утвержденное описание истории подавления мусульманских народов в провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзян»). Пекин. 1896, из. 134, стр. 21—24.

¹¹⁷ Цзо Цзун-тан. Цзо Вэнь-сян гун цюаньцзи. «Полное собрание сочинений Цзо Цзун-тана». Т. 6. Тайбэй 1968, стр. 4556.

¹¹⁸ Ма Сяо-ши. Сибэй хуэйцзу гэмин цзяньши (Краткая история народов Северо-Западного Китая). Шанхай. 1951, стр. 38.

¹¹⁹ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая (пер. с кит.). Т. I, 1840—1901. М. 1955, стр. 252.

¹²⁰ Люй Чжэнь-юй. Чжунго миньцзу цзяньши, стр. 117.

¹²¹ ЦГИА КазССР, ф. 21, 1871—1882 гг., д. 334, л. 234.

¹²² Там же.

наслаждаемся... миром, спокойствием и свободой... И вдруг, как громом, поражены мы грозной и неожиданной вестью, все от мала до велика повержены в уныние и безысходную печаль». Затем авторы петиции просили разрешения направить депутацию с ходатайством о принятии уйгуров и дунган «в вечное подданство России»¹²³.

12 февраля 1881 г. был заключен Петербургский договор, по условиям которого почти вся территория Илийского края возвращалась Китаю; к России отошла лишь небольшая его западная часть «для поселения в оной тех жителей этого края, которые примут российское подданство и, вследствие этого, должны будут покинуть земли, которыми владели там»¹²⁴. Накануне вступления в Кульджу маньчжуро-китайских войск люди в панике покидали родные места, бросая все свое имущество и скот¹²⁵. Опасаясь расправы со стороны карателей, примерно 70 тыс. уйгуров, дунган и казахов ушли вместе с русскими войсками в пределы России, и Илийский край лишился более половины своего производительного населения¹²⁶. «Небывалый в истории человечества и, кажется, не вполне оцененный самими нами факт представляет это современное движение дунган из пределов Кульджи, которую мы возвратили Китаю,— писал русский китаевед В. П. Васильев.— Кульджинский край находился под нашим управлением с небольшим десятием лет, и вот когда мы передаем его прежнему правительству, исконные его деятели, горожане и земледельцы, бегут вслед за нами, оставляя насиженный, обработанный их потом и кровью край, бегут от тех благодеяний, которыми будогдыхан осypает своих подданных. Пойдут ли индусы вслед за англичанами, если им придется когда-нибудь оставить страну, которую они облагодетельствовывают не хуже богдыхана!»¹²⁷.

Хотя к концу XIX в. цинский Китай все более становился объектом агрессивной политики империалистических держав, маньчжурская правящая верхушка стремилась не только сохранить господство над Монголией, Тибетом и Синьцзяном, но время от времени пыталась даже вернуться на путь захватнической политики в северо-западной части Центральной Азии. Это проявилось в отношении Памира, входившего ранее в состав Кокандского ханства, которое с 1876 г., в свою очередь, стало частью Российской империи. Подстрекаемое Англией¹²⁸, цинское правительство выдвинуло свои притязания на некоторые районы Памира к западу от Сарыкольского хребта, мотивируя это тем, что в 1759 г. здесь побывали маньчжурские военные отряды, преследовавшие Бурхан-ад-Дина и Хан-Ходжу¹²⁹.

С начала 80-х годов XIX в. цинское правительство высылает на Памир свои военные отряды, пытаясь явочным путем захватить ряд территорий к западу от Сарыкольского хребта. Захватчики чинили произвол и насилия над местным киргизским населением, что вызвало его протест

¹²³ Там же, оп. 1, д. 702, св. 97, лл. 26—27.

¹²⁴ «Русско-китайские отношения. 1689—1916». Официальные документы. М. 1958, стр. 56.

¹²⁵ М. Н. Кабиров. Указ. соч.

¹²⁶ Ю. Баранова. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881—1883 гг. «Труды» сектора востоковедения АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата. 1959, стр. 51. Тем большее недоумение вызывают упреки некоторых китайских историков в адрес правительства России, которое якобы было повинно в упадке хозяйства Илийского края и резком сокращении численности населения Кульджи (Гу Юнь. Чжунго цзиньдай шишанды бупиндэн тяоюэ, стр. 51).

¹²⁷ В. П. Васильев. Открытие Китая. СПб. 1900, стр. 140—141.

¹²⁸ Хэн Ян-се. Цзуйцзинь саньшинянь Чжунго чжэнчжи ши муци (Политическая история Китая за последние 30 лет). Шанхай. 1926, стр. 77; С. P. Skrine and P. Nightingel. Macartney at Kashgar. New Light on British, Chinese and Russian activities in Sinkianq (1890—1918). L. 1973, pp. 14, 16, 37.

¹²⁹ Цянь Сюнь. Частное мнение о разграничении в районе Памира. Серия «Сяофан хунчжай юйдн цунчао». Шанхай. 1892, отд. III, цз. 1, л. 5.

и обращение за помощью к русским властям Туркестана¹³⁰. Это явилось причиной появления на Памире русских военных сил, которые вынудили уйти маньчжуро-китайские отряды в пределы Синьцзяна. Фактическая линия границы между Россией и Китаем на Памире была зафиксирована в 1894 году. Она прошла по Сарыкольскому хребту как наиболее удобному естественному рубежу¹³¹. Этим завершилось русско-китайское территориальное размежевание в Центральной Азии, явившееся длительным и сложным процессом.

Знакомство с политикой Цинской империи в северо-западной части Центральной Азии в XVIII—XIX вв. свидетельствует о том, что маньчжурская военно-феодалная клика выступала здесь, как и в других районах этого обширного региона, в роли завоевателя и угнетателя местных племен и народов. Однако в конце концов цинские правители были вынуждены ограничить свои аппетиты. Захватив Джунгарию и Восточный Туркестан, маньчжуро-китайские войска столкнулись с сопротивлением народов Казахстана, Киргизии и Горного Алтая. Одной из важнейших причин крушения далеко идущих планов цинского правительства явились военно-оборонительные мероприятия русских властей в Казахстане и Южной Сибири, народы которых оказались, таким образом, под защитой России. Даже в Синьцзяне положение цинской администрации оставалось сложным: уйгурский, дунганский, казахский, киргизский и другие народы, несмотря на свирепые карательные меры маньчжурских завоевателей, не прекращали освободительной борьбы.

Различного рода великоханьские концепции маоистских политиков и некоторых историков КНР противоречат фактам, содержащимся в самих же китайских источниках относительно прошлого народов Центральной Азии. Цели, во имя которых фальсифицируется история, понять нетрудно. Некоторые традиционные методы политики маньчжурских императоров поразительно схожи с нынешними великодержавными замашками маоистов в отношении национальных меньшинств Китая.

¹³⁰ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. I. Душанбе. 1962, стр. 260—261, 272—275.

¹³¹ «Известия МИД», СПб, 1914, кн. IV, стр. 59 (приложение).